



Я Н М О Р Т И М Е Р

Заложники времени

БОМБОРА™

Москва 2018

УДК 94(410)"14"
ББК 63.3(4Вел)
М79

Ian Mortimer
THE OUTCASTS OF TIME
© Ian Mortimer, 2017

Мортимер, Ян.

М79 Заложники времени / Ян Мортимер ; [пер. с англ. А. Жирнова]. — Москва : Эксмо, 2018. — 288 с. — (Путешественники во времени).

ISBN 978-5-04-090776-2

Декабрь 1348. Все вокруг под властью чумы, братья Джон и Уильям боятся, что они вскоре умрут и отправятся в ад гореть за свои грехи. Но когда им остается всего 6 дней до смерти, им дают неожиданный выбор: пойти домой и провести остаток жизни в знакомом мире или же попробовать найти спасение в предстоящих веках, проживая каждый из оставшихся дней спустя девяносто девять лет после предыдущего.

Братья выбирают будущее и попадают во все более и более далекие и непонятные для них времена. Вместе с ними читатель переживает болезнь, прогресс, просвещение и войну. Но вот их время заканчивается — и смогут ли они найти свое искупление за столь короткий срок?

УДК 94(410)"14"
ББК 63.3(4Вел)

© Жирнов А., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-090776-2

Эта книга посвящается моему сыну,
Александру Мортимеру

Дом — это не место, но время

ОГЛАВЛЕНИЕ

БЛАГОДАРНОСТЬ	11
Глава I	13
Глава II	44
Глава III	63
Глава IV	99
Глава V	127
Глава VI	164
Глава VII	210
Глава VIII	250

БЛАГОДАРНОСТЬ

То, как этот роман был написан и опубликован, само по себе могло бы стать романом. Неоценимую помощь мне оказали мои редакторы: Клер Хэй, Джо Дикинсон и Карла Джозефсон, а также мой агент, Джорджина Кэпел. Я бесконечно благодарен всем им за терпение, советы и уверенность в успехе. Мне очень помогли мои братья, Роберт и Дэвид Мортимер; преподобный Саймон Франклин (который героически сражался с рукописью, где все средневековые диалоги были приведены на девонском диалекте); Джон Аллан; Энди Гарднер; Поппи Берджесс; Майк Грейди; Ян и Пэм Мерсер; Никки Ходжес; Джеймс Киднер и Стюарт Уильямс — а также множество тех, с кем я обсуждал эту идею в течение десяти, а то и двенадцати лет. Прошу прощения, если я забыл, что именно сказали вы, что сказал я, как вас звали и что вы заказывали в баре. Извините, если я испортил вам все впечатление, рассказав, чем все закончится. Были моменты, когда мой энтузиазм возрастал настолько, что я уже не мог удержаться. Работа над этой книгой стала моей страстью. И я бесконечно благодарен тем, кто был рядом со мной в это время. Спасибо вам за вашу поддержку.

Особо мне хотелось бы поблагодарить мою жену, Софию. Без нее эта книга так и осталась бы простой болтовней в пабе. Она всегда была рядом, она стала моим верным спутником, когда я отправился прочь из своего времени и оказался в самом негостеприимном месте — в далеком прошлом.

Ян Мортимер

Мортонхэмпстед, 25 ноября 2016 года

I

Вторник, 10 декабря 1348

Главное, что вам нужно понять: что такое — продать свою душу. Для этого вовсе не обязательно пожимать руку некоей туманной фигуре или обмениваться обещаниями с пылающим кустом. Что вы продаете? Вы этого не знаете. Кому вы собираетесь это продать? Опять же неизвестно. Вы знаете только одно: ваше желание предложить на продажу эту непонятную сущность продиктовано непреодолимым желанием вопить. Вам хочется завопить так громко, чтобы разрушить оковы времени.

Именно это я и чувствую — и чувствовал каждый день с того момента, когда впервые увидел смертельную работу чумы. Когда я оглядываюсь на пройденный путь и не вижу там ни единой души, во мне возникает желание кричать. Глядя на далекие холмы, где некогда царили мир и благоволение, я вспоминаю жуткую тишину: заброшенные фермы и дома, скелеты животных, мертвые тела детей и их родителей... Нет благодати. Нет жизни в глазах. И когда мы приближаемся к облетевшему дубу на окраине Хонитона и к постоялому двору под этим могучим деревом, желание кричать и рыдать становится непреодолимым.

Когда я был здесь в последний раз, за три дня до Михайлова дня, в зале звучала веселая музыка. С того дня не прошло и трех месяцев. Я останавливаюсь, бросаю свою суму на землю и закрываю лицо руками. Я шепчу имена моих умерших родителей. Мой брат Уильям поворачивается и поторапливает меня. «Ты медленнее покойников», — шутит он. Я отнимаю руки от лица и гляжу на него, а потом подхватываю суму и снова пускаюсь в путь. Но в душе моей все кричит. Я не могу рассказать миру о своих чувствах, потому что вокруг нас все мертво. И душа наша тоже умирает.

Я оглядываюсь на безжизненный дуб и вспоминаю тот день, ту музыку и веселье. В тот день мы проезжали через этот город и видели, как девушки и женщины пляшут с мужчинами, как развеваются на ветру их распущенные волосы. У каждой был свой избранник. Любовь светилась в их глазах, когда они оказывались рядом. Они и нам улыбались, словно понимали, что мы, чужаки, заметив их улыбки, узнаем тайны их сердец. Я вспоминаю, как распевал веселые песни, опрокидывая одну кружку эля за другой и позабыв, что мы с Уильямом собирались выехать в Солсбери пораньше. Теперь же, глядя на могучее дерево, я думаю, сколько этих женщин умерло. Зима обрушилась на нас дважды. Сначала она заморозила нас декабрьским холодом: голые ветки на фоне пасмурного неба, короткие дни, замерзшие лужи на обочинах дорог. А потом она вернулась вороньим граем ледяного отчаяния и ощущением того, что весна больше никогда не наступит. В прошлом году все было иначе... Теперь же зима пришла навсегда, и время остановилось.

Время шло, когда в рыночном городке Хонитоне царили цвет и движение. В базарные дни здесь собирались люди в охристых, коричневых, серых и красных одеждах, разнообразных капюшонах и шляпах. Если на мгновение прищуриться, то размытая картина напоминала улей — человеческая толпа уподоблялась деловитым пчелам. Среди снующих по своим делам людей всегда кто-то замирал на месте: глашатай сообщал новости, монах в черном капюшоне рассказывал группе юношей о том, как их души могут попасть в царствие небесное. Сегодня не было ни глашатаев, ни монахов, ни заблудших душ. Не было даже торговцев — мясники и пирожники не кивали прохожим, не протягивали рук за серебряными пенни, не поворачивались к следующим покупателям. Гравий и грязные лужи были засыпаны сухими листьями. Под длинным прилавком сломались козлы, и теперь он валялся на боку — последний базарный день был давным-давно. Он походил на старого, сгорбленного могильщика возле могилы давным-давно позабытого человека.

Мы с Уильямом ехали через город. Было еще довольно рано, третий час после рассвета, но после бессонной ночи, проведенной под каплями, падающими с деревьев, у нас не осталось сил. Ставни во всех домах были закрыты, словно горожане еще не проснулись.

— Как думаешь, сколько трупов мы увидим сегодня? — спросил Уильям, поправляя дорожную суму на плече. — Бьюсь об заклад, больше, чем вчера. Что скажешь, Джон? Больше шести? Поцелуй сладких губ Элизабет Таппер и кружка ее лучшего эля тому, кто насчитает больше трупов в этой части Уимпла!

Я посмотрел на брата, но не ответил. Я смотрел на золотое кольцо с гранатом, с которым он не расставался, резонно полагая его самым драгоценным своим имуществом. Похоже, он думает, что для нас жизнь не изменилась — только для несчастных жертв.

— Смелее, братец! — подбодрил меня Уильям. — Отвечай же! Ты же еще не умер! Ты так мрачен, что тебя можно принять за Ноя в ковчеге в тот момент, когда он понял, что забыл взять коров.

— Не шути так, Уильям. Это и правда второй потоп. Господь очищает землю. Не водой, а чумой. Разве ты не видишь?

— Не дури, Джон. Я вижу то же, что и ты, не больше и не меньше. Но ты слишком ограничен. Эта чума — не Божий промысел. Мы с тобой видели маленьких детей, даже младенцев. И все они валялись у дороги, сплошь покрытые черными пятнами. За что Господу наказывать их? Они не успели согрешить. И чума — это не кара Божья за грехи. Это дело рук дьявола, и я не собираюсь замирать в благоговении.

Я тяжело вздохнул.

— Уильям, дьявол — вассал Бога и делает только то, что приказывает ему Господь всемогущий. Если Бог хочет очистить этот край от грешников, дьявол берется за дело. Те, кто не ходит в церковь...

Уильям прервал меня, подняв руку.

Прямо на земле среди камней лежал седобородый мужчина лет пятидесяти. Голова его была повернута набок. У основания шеи мы увидели здоровенную черную опухоль размером с два кулака, сжимающую его горло. Рот мужчины был полуоткрыт. Белизна зубов привлекала внимание к двум отсутствующим. Уильям наступил на плащ бедняги — ткань задубела на морозе. Колени мужчины были покрыты грязью. Кошель с пояса уже кто-то срезал. Глаза замерзли и стали матово-белыми.

Обычно, находя мертвеца, мы извещали об этом констебля, но сегодня в этом не было смысла.

— Не красавец, — заметил Уильям, отворачиваясь от трупа.